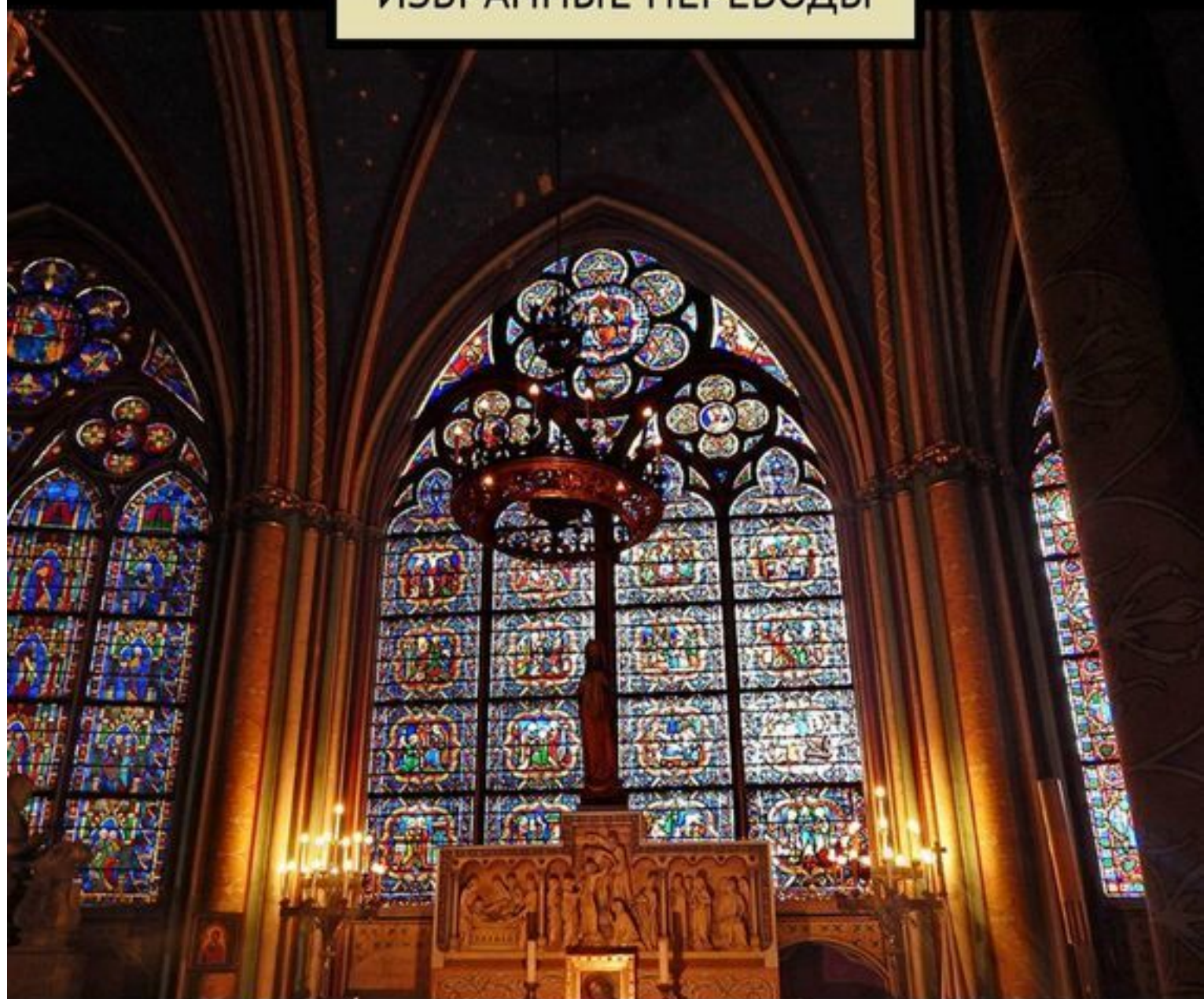

ЮРИЙ ЛИФШИЦ

Европейская поэзия

ИЗБРАННЫЕ ПЕРЕВОДЫ

Юрий Лифшиц

**Европейская поэзия.
Избранные переводы**

«Издательские решения»

Лифшиц Ю.

Европейская поэзия. Избранные переводы / Ю. Лифшиц —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-833224-1

«Европейская поэзия» — книга избранных переводов, принадлежащих перу поэта Юрия Лифшица и выполненных им на высоком поэтическом и художественном уровне с разных европейских языков. В книге представлены поэты: Р. М. Рильке, У. Рэли, Р. Киплинг, Ю. Ли-Гамильтон, М. Роллина, А. Рембо, Ш. Бодлер, Р. Бёрнс, Х.Л.Борхес, С. Верде и др. При оформлении обложки использовано фото старинного витража из собора Парижской Богоматери (Франция, Париж). Снято 19 августа 2015 г. автором настоящей книги.

ISBN 978-5-44-833224-1

© Лифшиц Ю.
© Издательские решения

Содержание

Из австрийской поэзии	7
Райнер Мария Рильке	7
Ангелы	8
Чтение	9
Из американской поэзии	10
Генри Уодсворт Лонгфелло	10
Певцы	11
Уильям Хейнс Литл	12
Антоний и Клеопатра	13
Генри Огастен Бирс	15
Лангейт ля шампиньон	16
Из английской поэзии	19
Зеленые рукава	19
Король Джон и Епископ	21
Елизавета I	24
На отъезд Месье	25
Эдмунд Спенсер	26
Из цикла «Аморетти»	27
Сонет 62	28
Уолтер Рэли	29
Крест Христа	30
Сыну	31
Томас Уотсон	32
Из цикла «Гекатомпатия, или Страстная центурия о любви»	33
Сонет 7	34
Сонет 82	35
Роберт Геррик	36
Иве	37
Джон Уилмот, 2-й граф Рочестер	38
Синьор Фалло	39
Уильям Вордсворт	42
«Мой разум спал глубоким сном...»	43
«Прекрасна ты, но так и знай...»	44
Перси Биши Шелли	45
Озимандий	46
«Не тронь покров, что Жизнью все зовут...»	47
Джон Китс	48
Дамам, видевшим меня в венце	49
Написано в Шотландии, неподалеку от Эйра, в домике, где родился Роберт Бёрнс	50
Альфред Теннисон	51
Рождественские колокола	52
Уильям Мейкпис Теккерей	53
Vanitas vanitatum I	54
Алджернон Чарльз Суинберн	56
Чертог Пана	57

Юджин Ли-Гамильтон	59
Из цикла «Воображенные сонеты»	60
1. Предваряющий сонет	61
16. Лаура – Петрарке	62
18. Жанна Буржская – своему господину	63
19. Король Кипра – своей королеве	64
40. Доктор Фауст – Елене Троянской	65
41. Доктор Фауст – Елене Троянской	66
74. Филипп IV – своему цирюльнику	67
82. Страдивари – неоконченной скрипке	68
89. Аэронавт Розье – Бенджамину Франклину	69
94. Костюшко – убиенной Польше	70
101. Наполеон – опавшему листу с острова Святой Елены	71
Из цикла «Сонеты бескрылых часов»	72
К музе I	73
Кольцо Фауста	74
Химеры Прометея	75
Вильям Эрнест Хенли	76
«Жизнь пикантна и щедра...»	77
Редьярд Киплинг	78
Города и Державы	79
Падение Джока Гиллеспи	80
Если сумеешь... (If...)	82
Из грузинской поэзии	83
Саят-Новá	83
Выйди, милая	84
Конец ознакомительного фрагмента.	85

Европейская поэзия Избранные переводы

Переводчик Юрий Лифшиц

© Юрий Лифшиц, перевод, 2018

ISBN 978-5-4483-3224-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Из австрийской поэзии

**Райнер Мария Рильке
(1875 – 1926)**

Ангелы

Они с усталыми устами
и непорочною душой,
но (словно о грехе) мечтами
истомлены их сны порой.

Почти похожи друг на друга
в саду всевышнего Отца,
как паузы надмирной фуги,
звучат в гармонии Творца.

Но стоит им, как птицам, взвиться —
проснется ветер в тот же миг,
как будто Бог, шурша страницей,
ведет зиждательной десницей
по строчкам темной Книги книг.

19—21 ноября 2015

Чтение

Запоем я читал. Почти с утра
за окнами лил дождь, как из ведра.
Но, в книгу погружен, я не слышал,
что воет шквал.

Я лица видел на страницах книги,
темневшие от мысли, а меж строк
остановился времени поток. —
И вдруг распались книжные интриги
и стал ясней тяжеловесный слог,
и вышло: вечер, вечер – в каждом миге.

Я все еще читал, но строк вериги
уже рвались, задолго до финала,
а с них слова слетали как попало...
Я знал, что свет небесный небывало
над садом засверкал, поскольку в срок,
наверное, светило засияло.

И все же – летний сумрак, ночь, итог:
расходятся собравшиеся вместе;
шоссе, народ, прогулки честь по чести;
еще слышны неслыханные вести,
но их набрать едва ли можно впрок.

И если взгляд от книги отвожу я,
то возникает все из ничего.
И внутренне, и внешне существуя,
не ведает предела естество;
когда, в него проникнув не вслепую,
я все увижу зрением глубинным
и приспособленным к простым машинам, —
тогда земля охватит целиком
небесный свод своим ультрамарином,
где новая звезда – последний дом.

13—17 декабря 2015

Из американской поэзии

**Генри Уодсворт Лонгфелло
(1807 – 1882)**

Певцы

Господь на землю шлет Певцов,
веселья и тоски творцов,
чтоб людям растревожить грудь
и к небесам их повернуть.

И первый, с лирой золотой
и юной пылкою душой,
шел через лес и через плес,
даруя смертным песни грез.

Второй, с густою бородой,
на рынках пел перед толпой
и мощной песнею своей
он потрясал сердца людей.

А третий, старый и седой,
пел в церкви, мрачной и пустой,
когда раскаяньем дышал
органа золотой хорал.

И спорил, слыша их, народ:
кто лучше из троих поет:
от их мелодий и канцон
сердца звучат не в унисон.

«Нет лучших, – молвил Бог в ответ. —
Ни в чем меж них различий нет.
Дан каждому талант творца:
учить, крепить, пленять сердца.

Певцы – трезвучье высших сил,
и тот, кто слух свой изошрил,
услышит в них не разнобой,
но глас гармонии самой».

19—21 декабря 2008

**Уильям Хейнс Литл
(1826 – 1863)**

Антоний и Клеопатра

Гасну я, Египет, гасну,
вянет жизни краснотал,
тени мрачные Плутона
ветер под вечер нагнал.
Обними, Царица, друга,
полно плакать надо мной:
я открою тайны сердца
лишь тебе, тебе одной.

Хоть ослабли ветераны
и поник орла значок,
и щепой галер усыпан
мрачный Акция песок;
хоть блестящей нету свиты
внять желанью моему, —
я как римлянин погибну,
триумвиром смерть приму.

Присным Цезаря ль глумиться
надо львом, что низко пал?
Не враги его прикончат, —
сам вонзит в себя кинжал.
На груди твоей лежащий
нынче славы не кумир;
опьянен твоею лаской,
я отверг безумный мир.

Пусть меня толпа плебеев
прокликает, как врага,
пусть Октавия вдовою
плачет подле очага, —
ты скажи ей: знают боги
и пророчат алтари,
что из нашей с нею крови
вскоре вырастут цари.

Ты же на меня, колдунья,
смотришь звездами очей,
освещая путь стигийский
мне улыбкою своей.
Пусть на Цезаре корона,
лавры на челе его,
мне твоя любовь дороже,
чем триумф и торжество.

Гасну я, Египет, гасну...
Но раздался клич врагов.
Здесь они! Оружье к бою!
Я к сражению готов.
Но уже мой дух не в силах
ликовать среди армад...
Рим, прощай! Прощай, царица!
Боги пусть тебя хранят!

25 июня 2010 – 13 апреля 2011

**Генри Огастен Бирс
(1847 – 1926)**

Лангейт ля шампиньон

Мими, ты помнишь осень —
припоминай, *enfant!* —
предутреннюю просинь
на скалах Гранд-Манан.
Цветов едва ль не поле
гора произвела
(их Грей *rotundifolia*
зовет – *campanula*).

На местности гористой,
встающей над водой,
все пастбища нечистый
засеял ерундой.
Мими нагнулась слишком,
обшаривая луг,
а платье над бельишком
взметну... – прости, мой друг!

Роса совсем некстати
упала на цветы...
Немножко вздернув плати-
це, в грех не впала ты.
Твоим я числюсь братцем
трою-, но все ж – родным,
и даже целоваться
сестре не стыдно... с ним.

«Скажи, – спросил я тонко, —
ta belle cousine, что тут
лежит в твоей плетенке?».
(У нас индейский люд
корзинки из душистой
травы плетет в тиши,
чтобы толпе туристов
всучить их за гроши.)

Нахмурилась сестрица:
«Стихов бросайте прочь —
твой Браунинг – тупица! —
иди ко мне помочь.
Машрум ваш англиканский
зовется шампиньон:
где лучший, где поганский,
мною будешь научен».

Над бухтою туманно
всегда, но в тот денек
белесую ту манну
развеял ветерок.
Маяк сверкал на солнце,
я слушал чаек стон,
овечьи колокольца
и бриза легкий звон.

Там вереск цвел медвяный,
а дух стоял сильней,
чем пахло б сеном пряным...
(У бабушки моей
висели на веранде
пучки травы такой...)
А нам с Мими на Фанди
достался день грибной.

И в каждой ямке малой,
где вырос дерн едва
и где овцою шалой
обгрызена трава, —
срезали в перегнутое
грибок мы за грибком,
что рождены росой
и солнечным лучом.

С перчаткою своею
сравнила ты грибки:
они, мол, и нежнее,
и кожицей тонки.
Но думал я украдкой,
что цвет руки твоей
под лайковой перчаткой
нежней и розовой.

С тобой, забыв заботы,
мы шли едва ль не час,
и вдруг зафыркал кто-то,
затопал сзади нас.
И, выронив грибы те,
стоял я, оглушен, —
а вы, мой друг, вопите,
визжите вы: «Бизон!»

Мы обнялись с тобою,
представ перед врагом,
но не дошло до боя
с ничтожным валухом.

Баранина пугливо
пустилась наутек,
но канули с обрыва
грибы твои в поток.

А ветер небывалый
корзинку подхватил,
подбросил и на скалы
швырнул что было сил,
и та – какая жалость! —
пропала меж камней,
но ты ко мне прижалась —
и я забыл о ней.

Хотя не трюфли в море
упали с высоты,
я сделал вид, что горем
охвачен я, как ты.
С тех пор, испортив нервы
у Гранд-Маман в краю,
я честь... грибным консервам
порою воздаю.

4 июня 2010 – 4 декабря 2012

Из английской поэзии

Зеленые рукава

Английская народная песня

Меня вы гоните сейчас
с холодной решимостью,
а я любил одну лишь вас
любовью нерушимую.

Зеленых ради рукавов
хвалу любви я петь готов.
Лишь той объятья мне нужны,
чьи рукава зелены.

Любовь моя, у вас, в груди
сердечко лицемерное,
и я в тоске брожу один,
обманутый неверною.

В плену у вас я до сих пор,
но вы мне лживой клятвою
в ответ на робкий мой укор
разбили сердце надвое.

Я все бы сделал ради вас,
предупреждал желания
и ради ваших нежных глаз
пошел бы на заклятие.

Хоть вы чураетесь меня,
от вас я в восхищении
и не могу прожить ни дня
без вашего презрения.

Я слуг велел одеть в шелка,
как твой наряд, зеленые,
но все ж не стала ты пока
моею нареченною.

Твои желанья всякий раз
я исполнял заранее,
а ты дарила мне отказ
принять любимой звание.

Молиться я всю жизнь готов,

пока не взят могилою,
затем чтоб ты, в конце концов,
моею стала милою.

Простясь, зеленым рукавам
я положу заклятие,
что суждены однажды нам
счастливые объятия.

Зеленых ради рукавов
хвалу любви я петь готов.
Лишь той объятья мне нужны,
чьи рукава зелены.

10—15 октября 2015

Король Джон и Епископ

Английская баллада

История старая о короле,
О Джоне Великом, идет по земле.
В историю Джон благородный вошел
ра то, что великий чинил произвол.

В ту пору, лет сто или больше назад,
жил в Кентербери досточтимый аббат.
Несметным богатством прославился он.
Был этим разгневан завистливый Джон.

– Итак, преподобный, скажи, отчего
дворец твой роскошней двора моего?
Богатством прославился ты неспроста.
Боюсь, что казна оттого и пуста.

– Прости, государь, но наполнен мой дом
лишь богоугодно нажитым добром.
– Ты дерзок! Но можешь остаться в живых,
коль на три вопроса ответишь моих.

Во-первых, когда королевский прием
веду я на троне в венце золотом
и славой своей наслаждаюсь сполна,
какая мне – как властелину – цена?

Второе: как долго я буду в пути,
приди мне охота весь мир обойти?
И в третьих, аббат, говори напрямик,
о чем я изволил подумать сей миг?

– Милорд, поглупел я на старости лет
и вряд ли найду в одночасье ответ.
Но если мне дашь три-четыре денька,
авось надоумит Господь старика.

– Ну, так уж и быть. Возвращайся домой.
подумай на воле своей головой.
А если тебе это не по плечу,
снять голову с плеч прикажу палачу.

Вот едет аббат, от раздумий опух.
Навстречу плетется знакомый пастух.
– С прибытием, достопочтенный отец!
Зачем вызывали тебя во дворец?

– Пастух, нет печальнее доли моей.
Мне жить остается не больше трех дней.
Найти три ответа я должен, хоть плачь,
иначе меня обезглавит палач.

Во-первых, когда королевский прием
ведет государь наш в венце золотом,
величием своим наслаждаясь сполна,
какая ему – как монарху – цена?

Второе: как долго он будет в пути,
коль скоро захочет весь мир обойти?
И в-третьих, я должен сказать напрямик,
о чем он изволит подумать сей миг?

– Хозяин, воспользуйся мной, дураком.
С тобою мы схожи лицом, ремеслом.
Давай мне сутану, карету, коня.
Авось во дворце не раскусят меня.

– Ну, что же, – король его встретил, – начнем.
Когда я веду королевский прием
и славой своей наслаждаюсь сполна,
какая мне – как властелину – цена?

– Милорд, как известно, злодей иудей
Спасителя продал за тридцать грошей.
А ты, государь, не дороже Его
и тянешь на тридцать – но без одного!

– Хитер ты! А долго я буду в пути,
приди мне охота весь мир обойти?
– С восходом вставай, забирайся на трон
и в путь отправляйся светилу вдогон.

И если оно не покатится вспять,
сумеешь за сутки весь мир обскакать.
– Отлично, аббат! А теперь напрямик
скажи мне, о чем я подумал сей миг?

– Ты, ваше величество, думаешь так:
а этот аббат не такой уж дурак!
Я, бедный пастух, за хозяина рад.
Мы просим о милости: я и аббат!

Король, отсмеявшись, воскликнул тотчас:
– Ты станешь аббатом! Готовьте указ!
– Спасибо, милорд, за твою доброту,

но я его и по складам не прочту.

– Ты весел и смел, и достоин наград.
Тебе головою обязан аббат.
Но если бы ты провалил свою роль,
узнал бы тогда он, что значит король!

Лето 1990 – 16 января 2000

**Елизавета I
(1533 – 1603)**

На отъезд Месье

Скорблю, не смея выказать тоски,
люблю, хоть ненавижу я должна,
твержу о чем-то правде вопреки,
немного пустословия полна.

Горю в мороз, я есть и нет меня,
другую становясь день ото дня.

За мною тенью боль моя летит
и тщетно я гонюсь за ней вослед,
за мой отказ меня терзает стыд,
и горестям моим исхода нет.

Их обуздать никто бы не сумел,
и только смерть положит им предел.

От нежной страсти таю, словно снег,
любовь, спаси меня или добей,
позволь мне плыть иль утонуть навек,
возвысь иль растопчи – но поскорей,
дай каплю счастья мне иль умертви,
чтоб я забыла тяготы любви.

29 июня – 3 июля 2016

Эдмунд Спенсер
(1552 – 1599)

Из цикла «Аморетти»

Сонет 62

Уставший старый год закончил бег,
ним в дорогу вышел новый год:
суля покой и радость мирных нег,
он ясным утром набирает ход.
И мы, устав от прежних непогод,
настроим жизнь свою на новый лад,
былых грехов покинем хоровод,
прервем ошибок бесконечный ряд.
И новогодней радости возврат
лучами хмурый мир зальет тотчас,
и вместо бурь, что лик его язвят,
сиянье красоты утешит нас.
И ты, любовь, уйдя от старых бед,
восторгам новым передай привет.

2—9 января 2015

Уолтер Рэли
(1552 или 1554 – 1618)

Крест Христа

Лети, душа, к желанным небесам
в священном созерцании своем,
отдайся бесконечным временам,
забудь о честолюбии мирском,
пустые мысли тьме ночной оставь —
и благодатной сделается явь.

Тогда, вкусив огня святого пыл,
отчетливо узришь, на новый лад,
спасенья крест, где твой Спаситель был
с твоими прегрешеньями распят.
И счастлива душа святым крестом,
и я живу в Спасителе моем.

Тебе, Христос, мой взор, вздыманье рук,
Тебе – смирение моих колен,
Тебе – священный трепет, сердца стук,
Тебе – мой ум, Тобой же вдохновен;
Тебе – всего себя я отдаю,
Тебе – и смерть мою, и жизнь мою.

1 июля 2016

Сыну

Три вещи, расцветая день за днем,
растут и умножаются стократ,
но если повстречаются втроем,
друг друга покалечить норовят.

Клен, конопля, кутила – вот они:
для виселицы клен весьма хорош,
веревки из пеньки вьют искони,
а ты, кутила это подытожь.

Пока все гладко, клен чарует взор,
шумит кутила, зреет конопля,
но миг спустя деревья ждет топор,
траву – коса, тебя, сынок, – петля.

Не дай Господь, чтоб это randevу
с тобой нас разлучило наяву.

17—26 июля 2016

**Томас Уотсон
(1555 – 1592)**

**Из цикла «Гекатомпатия, или
Страстная центурия о любви»**

Сонет 7

У той, кому служу я, как монах,
сверкает златокованая прядь;
взор затмевает звезды в небесах;
чело высоко, благородна стать;
 струятся речи звонким серебром;
 блестящий ум, какого нет ни в ком;
с дугой Ириды схож изгиб бровей;
прямой орлиный нос; а цвет ланит
пунцовой Розы, Лилии свежей;
дыханье ароматами пьянит;
 кораллы на устах огнем горят;
 лебяжья шея восхищает взгляд;
и грудь прозрачна, как хрустальный лед;
персты – для струн, что создал Аполлон;
ноги изящной Мом не осмеет, —
всем этим я едва ль не ослеплен.
 О прочем говорить резона нет:
 одним ее лицом убит поэт.

16—21 января 2016

Сонет 82

Двойной акrostих

Любви тоска, исчезни, я устал;
Юнец погибший, я тревогу бью.
Беги, Киприда, вечный душегуб,
Остынь в дубравах Кипра своего.
Ведь не докажешь ты, что Разум прав,
Найдя, что прав слепой твой мальчуган.
Отстань, твое мне чуждо торжество:
Едва ль твоя Любовь потребна мне.
Пора покинуть Ад, где я был слеп;
О, был ли кто несчастней моего!
Лишения теперь не мой удел,
Отныне Разум мне нужней всего.
Усмешек злых в свой адрес я не жду,
Мой путь теперь не может быть кривым.
И Купидон пусть держится вдали,
Ему никто не служит на земле.
 «Любовь нас убивает, как Тиран:
 Тот дважды раб, кто ею обуян».

9 января 2016

Роберт Геррик
(1591 – 1674)

Иве

Ты, право, лучше всех цветов
годишься на венки
для девушек и для юнцов,
безумных от тоски.

Все, у кого любви цветок
зачах в траве сухой,
на голову кладут венок,
заплаканный тобой.

Любовного забвенья крест
всем девушкам грозит,
а ты для брошенных невест —
спасенье от обид.

Но и девицам, и юнцам,
иссохшим от страстей,
отрадно плакать по ночам
в тени твоих ветвей.

21—22 сентября 2016

**Джон Уилмот, 2-й граф Рочестер
(1647—1680)**

Синьор Фалло

Английские леди, веселые крали,
когда Герцогине вы ручку лобзали,
ужели в ту пору вам не повезло
узнать Итальянца Синьора Фалло?

Служил Герцогине он в поте лица,
она обращалась к нему без конца,
но к мужу уходит, раззявив хайло:
«Я знать не желаю Синьора Фалло!».

Когда на Сент-Джеймсе красотки спешат
купить, украшая себя и наряд,
перчатки, помаду и пудры кило,
там можно найти и Синьора Фалло.

Имеет он непримечательный вид,
поскольку обычно кожей покрыт,
но столь благородно его ремесло,
что ниц вы падете, молясь на Фалло.

Миледи Соссаун (живите сто лет!)
его вы одели и вывели в свет.
В чужие дела не совал он мурло,
и скромным сочли молодого Фалло.

Миледи Кобылли, не видя вреда,
держала Фалло под ружьем завсегда,
но дочь поступила мамаше назло,
укравав по приезде Синьора Фалло.

Графиня Дамврот, как судачит народ,
лакеям ливреи шикарные шьет.
Она б не потратилась на барахло,
прознав о могучем Синьоре Фалло.

Графине Развратли помочь он сумел
хмельных надоед оставлять не у дел.
Графиня, нужду в нем имея зело,
хранит под подушкой Синьора Фалло.

В миледи Губье члены шли косяком
(нет столько песка на побережье морском),
во рту пробуравив такое жерло,
что примет он только Синьора Фалло.

Любая графиня ужасно ловка
любить до безумия член дурака.
Хлыщей бы изгнали, почуяв сверло
и нежную силу Синьора Фалло.

Блуддон, герцогиня, хотя и скромна,
с таким кавалером легла и она.
Чтоб сплетничать мужу на ум не пришло,
ему отряжает в швейцары Фалло.

Графиня Членаут (твердят, что со зла
она одну даму со свету сжила),
уменьшись у ней ухажеров число,
удовлетворится Синьором Фалло.

Рыдают красотки Хуард и Шелдон,
что он позабыл их, покинув Лондон.
Земляк Итальянца, наморщив чело,
вернуть обещал им Синьора Фалло.

Заброшена Принцами Крошка Хуард,
но ею владеет обмена азарт:
во рту все прогнило, но снизу дупло
как будто в меду для Синьора Фалло.

Святейший Сент-Долбенс, веселый старик,
что делать добро чужестранцам привык,
в карете в ближайшее скачет село —
на воздухе встретить Синьора Фалло.

Будь он поизвестней, от ловких купцов
избавил бы жен, чьи мужья от рогов
уже не спасутся, бранясь тяжело
с двумя братанами: Лобком и Фалло.

Приметив Синьора, голландская мразь,
жена Резоглотта, пердеть принялась,
а дочь начертала, взяв в руки стило:
«Британия ждет вас, Минхер ван Фалло».

К наезднице Найт прискакал он опять,
чтоб леди услугу в ночи оказать.
Хоть близок с ней Членцо, однако седло
свое она двигает к носу Фалло.

Он крепкий, здоровый и глухонемой,
как свечка, морковь или палец большой.
Но скажете вы, что их время ушло,
воздав по заслугам Синьору Фалло.

Граф Членцо, напыжившись, как монумент,
покаялся в сердцах, что умрет конкурент,
но, сил не имеючи «встать на крыло»,
кричит, что нет жизни в Синьоре Фалло.

А члены, что жили весь век без забот,
теперь, получив от ворот поворот,
собрались оравой – штыки наголо —
и с яростью бросились дрючить Фалло.

Летел чуть живой вдоль по улице он,
и с гиканьем члены бежали вдогон,
а девки, оконное сдвинув стекло,
орали: «О, небо, помилуй Фалло!».

От смеха старухи попадали ниц,
увидев болтанку бегущих яиц.
Но их, невесомых, как ветром снесло —
куда им тягаться с Синьором Фалло!

11 марта – 26 июля 2009

**Уильям Вордсворт
(1770 – 1850)**

«Мой разум спал глубоким сном...»

Мой разум спал глубоким сном,
забыл я страх и стыд:
казалось, время нипочем
тебе не навредит.

А ныне от меня вдали,
объята немотой,
ты кружишься путем земли
с камнями и травой.

24 июня 2014

«Прекрасна ты, но так и знай...»

Прекрасна ты, но так и знай,
что я в тебе любил
всего лишь то, что невзначай
себе вообразил.

Поверь мне, милая, мечтам
необходим полет;
тот, кто не верит чудесам,
любви не обретет.

Сердечный голод мой питать
дано твоим глазам
по тем законам, что под стать
земле и небесам.

7 июля 2014

Перси Биши Шелли
(1792 – 1822)

Озимандий

Мне путник, воротясь из дальних стран,
рассказывал: «Куски гранитных ног
и лик огромной статуи, чей стан
раздробленный давно ушел в песок,
я видел, и гордыней обуян
был взор тот, и усмешка на губах
вещала, что ваятель был велик,
провидя страсти в каменных сердцах.

И надпись сохранил тот пьедестал:
«Я – Озимандий, царь царей, достиг
вершины славы, мир завоевал!»
И ничего кругом. Одни куски
колосса прошлых лет, осколки скал,
пустой простор и вечные пески.

25 сентября – 1 октября 2015

«Не тронь покров, что Жизнью все зовут...»

Не тронь покров, что Жизнью все зовут:
хотя фальшиво разрисован он,
мы верим в тот раскрашенный лоскут,
а Страх с Надеждой нас берут в полон —
двойного Рока неизбывный труд:
их тени ткать над бездною времен.

Я знал того, кто приподнял слегка
кулису эту, чтоб любовь найти,
но нет нигде такого пустяка,
и к ней, увы, он не нашел пути.
Среди теней, живущих взаперти,
лучом на сцене был он – как Пророк,
мятежный Дух, что рвался из сети,
но обнаружить истину не смог.

22 января 2016

Джон Китс
(1795 – 1821)

Дамам, видевшим меня в венце

Что в Мире необъятном мы найдем
прекраснее лаврового венца?
Сияние Луны, чьи три кольца —
три пары губ, смеющихся молчком;

рожденье свежей розы под окном;
дыханье зимородка-пришлеца
над зыблемой волною – нет конца
пустым сравнениям под моим пером!

Что на земле не стоит похвалы?
Апреля слезы? Мая светлый лик?
Или в июне бабочек узор?

Нет, мне красоты эти не милы, —
но для меня воистину велик
прелестных ваших глаз державный взор.

15—20 июня 2015

Написано в Шотландии, неподалеку от Эйра, в домике, где родился Роберт Бёрнс

Впитала плоть моя в конце пути,
о Бёрнс, пространство комнаты твоей,
где ты мечтал бессмертье обрести
и ждал беспечно день своих скорбей.

Мне кровь тревожит твой ячменный эль,
мне в душу входит твой великий дух
мне взор мутит воображенья хмель,
а разум мой затих и замкнут слух.

Могу пройтись я по твоим полам,
могу открыть окно – и за тобой
пойти к твоим исхоженным лугам,
могу я все, пока я как слепой...

Могу поднять я в честь твою бокал, —
так улыбнись – достоин ты похвал!

6—7 января 2013

Альфред Теннисон
(1809 – 1892)

Рождественские колокола

Суровые колокола,
гоните уходящий год;
пусть эта ночь его уьет,
поглотит – ледяная мгла.

Гоните старый год взашей,
зовите новый – сквозь буран;
гоните старческий обман,
зовите правду новых дней.

Зовите совесть в каждый дом,
гоните горечь и нужду;
гоните вечную вражду
меж бедняком и богачом.

Гоните зло былых времен:
междоусобную войну;
зовите жизни новизну,
где святы честность и закон.

Гоните ложь гнилых основ,
желанья, хлопоты, грехи;
гоните все мои стихи,
зовите молодых певцов.

Гоните чванства мишуру,
людскую злость и клевету;
зовите честь и простоту
любовь к порядку и добру.

Гоните срам старинных бед
и мерзость золотых оков,
гоните войн столетних зов;
зовите мир на сотни лет.

Зовите храбрых, что спроста
щедры и сердцем, и рукой;
гоните тьму судьбы земной,
зовите светлого Христа.

27—28 декабря 2014

**Уильям Мейкпис Теккерей
(1811 – 1863)**

Vanitas vanitatum ¹

Что напророчил Царь царей?
(Я восхищаюсь древним текстом!)
«Все в этой жизни у людей —
Mataiotes Mataioteton» ².

Сей позолоченный трактат ³
школяр усвоит без вопросов:
мудрей не выдавал цитат
ни мертвый, ни живой философ!

Француз, испанец, немец, росс
блеснули здесь своим талантом:
тот станет ментором всерьез,
кто сладит с этим фолиантом.

Историй здесь – полна скрижаль,
и все – глупей старинной прозы;
какая здесь царит мораль,
какие здесь метаморфозы!

Слепорока круговерть,
немало желчи, много боли,
паденье, взлет, рожденье, смерть
и благородство в низкой доле.

Какой престранный мемуар!
Разбитый трон, измена друга,
в насмешку обращенный дар
и обойденная заслуга.

Кто был велик – упал в кювет!
Кто низок был – взлетел высоко!
О суета пустых сует!
О смехотворная морока!

И меж турецким письмецом
и доброго Жанена шуткой
я в том расписался том,
рацею кончив прибауткой.

* * *

О суета пустых сует!
Насколько фатум своеволен:

и мудрый – глупости клевет,
и всемогущий – обездолен.

Что ты лепечешь, сэр Пророк,
своей моралью очерствелой,
и к мудрым и к великим строг,
хотя нам это надоело?

Скажи о чем-нибудь другом,
старик, угрюмый и ничтожный!
Но я листаю скучный том
и нахожу одно и то же.

Здесь и Богатство не в цене
и Глупость правит в высшем свете,
и Короли не на коне,
и холуи сидят в карете.

Три тысячи минуло лет,
с тех пор как сын Давида прыткий —
надежд лишенный Кохелет —
оставил миру эти свитки,

но с той поры и посейчас
свежа старинная бумага:
жизнь обновляет древний сказ
про Славу, Крах, Безумье, Благо.

Пророк всегда в одной поре,
кричит, пророча в старом стиле,
как на Ермоновой Горе,
так и в соборе на Корнхилле,

чтоб сердцем принял ты урок,
о брат-читатель неученый,
что нам великий Царь изрек,
сирийским кедром осененный.

24—28 января 2013

Примечания

1. Суета сует (лат.).
2. Суета сует (греч.).
3. Записано между страницей из Жюль Жанена и стихами турецкого посла в альбом мадам де Р., включающий в себя автографы королей, принцев, поэтов, маршалов, музыкантов, дипломатов, государственных деятелей и писателей всех национальностей.

**Алджернон Чарльз Суинберн
(1837 – 1909)**

Чертог Пана

Посвящается моей матери

Сентябрь золотой, словно царь, величав,
блистающей славой объят,
нежней он весенних и летних забав
и рощи лелеет, крылами обняв,
и людям он радует взгляд.

Под солнцем земной улыбается лик,
окрашен веселым теплом,
и выше, чем храм рукотворный, возник
придел с бесконечным числом базилик
в соборе сосново-лесном.

Немóга мощней, чем молитвы бальзам,
смиряет смятенье души;
искрящийся воздух, покой, фимиам,
безмолвные тени, подобно лучам,
то вспыхнут, то гаснут в тиши.

Столпов островерхих вздымается рать,
алея, как башенный шпиль,
стремясь подпереть поднебесную гладь,
чтоб солнцу и бурям противостоять,
свирепым, как на море штиль.

Постичь эти выси ни разум, ни страх
не могут, хотя б наугад;
запутался лес в теневых кружевах
и хлопьями солнце в сосновых сетях
рассыпалось, как снегопад.

Те светлые хлопья, слетая с небес,
плюмажем лежат золотым;
низложен непрочный, как роза, навес,
что весь побурел, словно вспыхнувший лес,
и залит огнем заревым.

Стараньями непостижимых веков
был тайно собор возведен
и факел зажжен для безвестных богов,
чей ветхий алтарь стал песком для часов
давно позабытых времен.

Собор, где теряются нефы вдали,
где месса – восходы светил,

где по полу ноги ничьи не прошли,
где вместо хорала молчанье земли
и святости мир не затмил.

Там служба и вечером, и по утрам
ни въявь, ни тайком нас ведет
по тропам бесцветных лугов, по следам
дриад и сатиров, гуляющих там,
где Пан задремал без забот.

И воспламенен поклоненья экстазом,
чудесным прозреньем влеком,
по знаку, по следу пытается разум
на спутанных тропах, в лесу непролазном
поспеть за беспечным божком.

И в трепете пылком, что страха богаче,
смиренный, но доблестный дух
внимает титану и чувствует зряче,
как тот по горам вулканическим скачет,
чей пламень навеки потух.

Волшебнее, чем некромантии чары,
погибшие тайны веков
и ужас безумный ночного кошмара,
где Этна забита обломками старых
лишенных величья богов, —

душа здесь душою лесной в круговерть,
затянута, словно в овраг,
и шепчет нам нечто лазурная твердь
и выше, чем жизнь, и бесстрастней, чем смерть,
и твердо, как времени шаг.

14—21, 23 января 2013

**Юджин Ли-Гамильтон
(1845 – 1907)**

Из цикла «Воображенные сонеты»

1. Предваряющий сонет

Мой дух парил в смятенье и тоске
там, где бушует Прошлого поток,
и слушал тех, кого всеильный Рок
рассеял, как солому по реке.

Тот плыл на мачте, этот – на доске,
цепляясь за обломки, кто как мог,
и всасывала бранных тел клубок
утроба водоверти вдалеке.

В тех голосах, что шли из глубины,
отчаянье и ненависть, и страх,
терзая слух мой, были мне слышны,

но в мутных исторических волнах
сквозь рев и свист казались так ясны,
что обрели приют в моих стихах.

5—9 мая 2010

16. Лаура – Петрарке

Мой нежный флорентиец, ты при мне,
когда я с прялкой, и горит очаг,
и скачут блики, разгоняя мрак,
и дремлет пашня в зимнем полусне.

Мне солнце мужа, словно целине,
с любовью подарило юный знак,
и детским смехом пуще всяких благ
моя душа насыщена вполне.

Но кто б не захотел продлить на час
сиянье лета; кто б отвергнуть мог
блестящие алмазы мудрых фраз?

Обвей меня струями нежных строк,
мой флорентиец, хоть и не погас
огонь Любви, зерно согревший в срок.

17—20 апреля 2010

18. Жанна Буржская – своему господину

О ты, кому похабный шлют привет
в гнилой степи, под струпьями луны,
хохочут, обожравшись белены,
и воют песни мерзостных побед;

учивший нас лететь за бурей вслед
на помеле и портить табуны,
и красть колокола, и с вышины
швырять их в поле пахарю во вред, —

сквозь тусклое стекло войди в мой дом...
В котле клокочет сало мертвеца,
а я, шепча заклятия, замру...

Иль в сумерках ворвись нетопырем,
сожги меня, целуя без конца,
и крысою исчезни поутру.

26—29 мая 2010

19. Король Кипра – своей королеве

Ты в душу мне своею красотой
впилась, любви расправив коготки,
и головокруженью вопреки
взлетела выше тучи грозовой.

Казался мир пригорком над водой,
где копошились люди-мотыльки.
Пронзая твердь, едины и близки,
себя мы мнили сущностью земной.

И вот ночной густеет небоскат,
пылает звезд искристых легион,
метеориты яркие кружат;

и обступает нас со всех сторон
светил новорожденных вертоград —
и я молюсь, Вселенной ослеплен.

13—14 июня

40. Доктор Фауст – Елене Троянской

I

Твоя звезда сияет мне одна,
пронзив лиловой ночи окоем,
и дремлет сумрак в мускусе лесном,
и сабля полумесяца бледна.

С тобой в сравненье – всякая дурна,
страшней старух с морщинистым лицом.
А ты, чья грудь сверкает хрусталем,
метнула взор – и вспыхнула война.

Прочь мантию, оплот пустых утех!
Пусть нет моим соперникам числа,
я – ради Королевы Королев —

на скакуне, закованном в доспех,
бойца любого выбью из седла —
и в пыль падет он, со стыда сгорев.

23 мая 2010

41. Доктор Фауст – Елене Троянской

II

Ты – как луна, которая в ночи
моим занятиям скучным вопреки
в ретортах зажигает огоньки,
и в тех сосульках теплятся лучи.

Ты смотришь – и Огонь твоей свечи
алмазной сделал пыль. О, как ярки
былые страны – магией строки
я воскресил их земли и ключи.

Но красоту твою мой скроет дом,
иначе мертвый Грек пошлет за ней,
героям повелев оставить ад,

и в Виттенберге все пойдет вверх дном,
его накроет легион теней,
как землю накрывает листопад.

23—27 мая 2010

74. Филипп IV – своему цирюльнику

Что есть король, спросил ты? Существо,
питается которым каждый шут;
живой мертвец, которого грызут
пиявки, облепившие его;

преступник, пойманный за воровство,
лукавый турок, не избегший пут,
когда по шею вкопан в землю плут,
чтоб каждый пес бросался на него.

Монархи вечно ощущают гнет
ненужных слов, погашенных страстей
и роскоши, и страхов, и невзгод;

и, умерев, не могут средь полей,
под солнцем отдохнуть от всех забот,
раздавлены угрюмостью церковей.

10—31 июля 2010

82. Страдивари – неоконченной скрипке

Журчанье рек и гул морских валов
заключены в древесности твоей,
молитвы тишь в стенах монастырей
и нежный шелест буковых лесов.

В тебе – жужжанье пчел среди цветов,
напев цыганский, ржание коней,
предсмертное прощанье лебедей
и плач людской, и Этны грозный рев.

Сокрыто это все в тебе одной,
и если можно отпустить в полет
трепещущий и вялый дух людской,

пусть нежный голос твой растопит лед
пещерных душ, взирающих с мольбой
на мрачный и Всесильный Небосвод.

30 мая – 1 июня 2010

89. Аэронавт Розье – Бенджамину Франклину

Сплетались грозы. Молнии челнок
сверкал на фоне ткацкого станка
тяжелых туч, – и смерть наверняка
ждала того, кто духом изнемог.

А ты – Титан бесстрашный – подстерег
удар молниеносного клинка
и приручил зарницы на века,
и обеззвучить громы дал зарок.

Но мне взлететь сквозь толщу облаков
на огненной квадриге суждено,
для мира сделав главный из шагов.

Судьбою с Фэтоном заодно,
я к участи своей давно готов
коней не приручив, пойти на дно.

11—17 июня 2010

94. Костюшко – убиенной Польше

Ты умерла. Но труп твоего
под белоснежным саваном войны
Зиме не скрыть, а светочам Весны
не воскресить Свободы торжество.

Трепещешь ты, хоть все в тебе мертво,
но в час затмения солнца и луны
покойники в гробах обречены
ворочаться, пугая естество.

Мертва, мертва! Отныне ты фантом,
способный устрашить любой народ,
когда пирует он особняком:

повеет тишью, холодом пахнет,
в испуге все оглянутся кругом, —
а призрак твой безмолвный – у ворот.

6—14 июня 2010

101. Наполеон – опавшему листу с острова Святой Елены

В моей руке лежит моя страна:
листок иссохший – бурое пятно,
как сгусток крови, высохшей давно,
господства моего величина.

Сухой листок, мне сквозь тебя видна
империя, ушедшая на дно;
твой прах – ее последнее звено,
моих высоких замыслов цена.

Бушует шторм – во мне притушит он
терзаний боль. Грохочет ураган,
как пушек гром. Воздушный легион

среди облаков идет под барабан —
не устоит небесный бастион...
Терзай, стервятник, – пригвожден Титан.

20 апреля – 2 мая 2010

Из цикла «Сонеты бескрылых часов»

К музе I

Считать, что жизнь – кормушка для могил,
когда бежит и скачет все кругом;
томиться пробуждением и сном,
когда с рожденья белый свет не мил.

Ни свежим ветром остудить свой пыл,
ни прошагать по травам напрямиком,
ни по стерне пройти за косарем,
ни лечь у древа, чтоб набраться сил...

Как тяжело, тяжело, а зимой – стократ,
когда ты слышишь только скрип шагов
(хрустящий звук остуженных дорог), —

и как рябину птицы теребят...
Но если Муза мой находит кров, —
Отчаянье выходит за порог.

19—25 июня 2010

Кольцо Фауста

О Фаусте вещают испокон,
что перстень колдовской с его руки
Лукреция стянула воровски,
пока он спал, красив, как Аполлон;

и что распад – внезапный, словно сон, —
его чела коснулся и щеки,
и сеть морщин опутала виски,
и дряхлым старцем обернулся он.

Есть перстень Жизни, злато в золотом,
волшебный символ Веры и Добра, —
не тронь кольца – иль все пойдет вверх дном,

не тронь – иначе, словно мишура,
поблекнет Жизни лик: всему кругом
внезапно одряхлеть придет пора.

30 июня 2012

Химеры Прометея

I

Когда на содрогнувшийся Кавказ
бог изливает ярости фиал,
перуны мечет в каждый перевал,
ища Титана; и свирепый глас

громов плененных пробивает лаз
в небесной тверди; и внезапный шквал
поет свои пеаны между скал, —
стон испускает Прометей тотчас.

И следом, заглушая ураган,
несется крик такой больной души,
исполненной таких жестоких ран,

и раздается хохот из глуши,
такой смертельной мукой обуян,
что ангелы дрожат в ночной тиши.

21—22 октября 2014

II

Невидим Прометей. Но по ночам,
когда от молний вспыхивает бор
между уступами Кавказских гор,
и пламя бьет с высот по ледникам,

взметая снег багровый к облакам,
и из ущелий рвется на простор
испуганных орлов визжащий хор,
тогда назло взбешенным небесам

там, на горящем кряже, предстает
Титана тень в кипящей полумгле,
и вновь, как если б годы не прошли,

он, дерзкий взор вперяя в небосвод,
грозит рукой, прикованной к скале,
Зиждителю уродливой земли.

22—23 октября 2014

Вильям Эрнест Хенли
(1849 – 1903)

«Жизнь пикантна и щедра...»

Жизнь пикантна и щедра;
Смерть при ней как сутенер:
Жизнь приходит в номера;
Смерть – подъездный бузотер.

Сколько ты с ним ни хитришь,
он обманет в свой черед,
не упустит свой барыш
и за Жизнь предъявит счет.

Саданет тебя в висок
и коленом вдавит в пол.
Заскулишь ты, как щенок,
Жизнь хватая за подол.

Слыша все не в первый раз,
тихо дверь запрет она.
Ты резвился – а сейчас
дельцу твоему хана.

18 октября 2016 – 9 марта 2017

Редьярд Киплинг
(1865 – 1936)

Города и Державы

Что для Времени слава?
У Него на глазах
Города и Державы
обращаются в прах.
Оттого через годы
из Земли, кроме трав,
пробиваются всходы
Городов и Держав.

Не придется Нарциссу
за каких-то семь дней
заглянуть за кулису
прошлогодних страстей.
На пороге могилы
жизнью он опьянен
и в незнании силу
гордо черпает он.

Время необратимо.
Для Него мы – цветы.
Никуда не уйти нам
от своей слепоты.
Но, уже отлетая
в запредельную высь,
тени шепчет другая:
«Мы не зря родились!»

1988

Падение Джока Гиллеспи

В обед, когда играли в вист,
домой сорвался Джок,
а между робберами вновь
приперся наш дружок.

Орал он песни, скалил рот,
как будто сам не свой,
партнера даму приложил
десяткой козырной.

И тот старик с тузом в руке
сказал ему: «Мой друг,
сияет рожа у тебя.
С чего бы это вдруг?»

Хихикал Джок, кривлялся Джок,
мигал, как дурачок.
«Так часто наливают тут:
я перебрал чуток».

«Но в Галашилсе ты глушил
и виски, и коньяк.
Вином огонь в твоих глазах
не распалить никак».

«Тут волосок прилип к тебе:
куда он кажет путь?»
«Терьер лохматый сиганул
сегодня мне на грудь».

«Терьер, конечно, страстный зверь,
терьер – что надо пес,
но сроду длинных золотых
он не имел волос».

«На левом лацкане твоём,
похоже, пудры след?»
«Нет, это пепел от сигар,
что я курил в обед».

«Ты куришь, Джок, такую дрянь
по скудости своей,
но даже пепел от гаван
не может быть белей».

«Пора бы нам с тобой кончать
никчемный разговор.
Вчера еще ты басни плел,
а нынче – перебор».

«Мы не пьяны, пьяны не мы,
никто из нас не псих!
Понятно всем: уходишь ты
из банды холостых».

Он пал, как отцвели цветы,
дни съежились вконец...
Пошив костюм, купив кольцо,
стал Джоки под венец.

6—8 ноября 2014

Если сумеешь... (If...)

Сумеешь твердым быть, когда кругом
свихнулись все и в том тебя винят;
сумеешь верить пред людским судом
в себя, но признавать, в чем виноват;
сумеешь долго ждать без маеты;
не клеветать в ответ клеветникам;
не делать вид, что всех мудрее ты;
не отвечать враждой своим врагам;

сумеешь грезить, но не ради грез;
сумеешь думать, но не наобум;
сумеешь встретить не совсем всерьез
бесславы или славы громкий шум;
сумеешь вникнуть, что в твоих словах
находит плут силки для простаков,
когда твоя судьба разбита в прах
и строишь ты ее из тех же слов;

сумеешь всех побед своих плоды
поставить на кон, проиграться в пух,
а об утрате, вновь начав труды,
не пожалеть ни мысленно, ни вслух;
сумеешь, немощь плоти поборов,
дать мышцам, нервам, сердцу новый ход,
ведь кроме Силы воли, не готов
тебе никто сказать: «Иди вперед».

сумеешь честно говорить с толпой;
народ любить, беседуя с царем;
сумеешь всех ценить, но быть собой;
сумеешь другом чтиться и врагом;
сумеешь посекундно мерить бег
минут всевластных, тающих, как снег, —
тогда, мой сын, Земля твоя навек,
ты Человеком станешь, человек...

20—27 июля 2016

Из грузинской поэзии

**Саят-Новá
(1712 – 1795)**

Выйди, милая

Выйди, милая, в сад – так здесь прохладно!
Сад – это да! Цветы – это да! Гранат – это да!
Будем в саду до самой смерти, ладно?
Ты – это да! Луна – это да! Свет – это да!

Выпьем с тобой вина, – чача вся наша!
Наш сазандар, все хорошее – наше!
Прочь, садовник, ступай: розы все – наши!
Пирьы – это да! Досуг – это да! День – это да!

Кончилось время роз – где вы, бахвалки?
Плачет лишь соловей: роз ему жалко.
В нашем саду распустились фиалки.
Вода – это да! Земля – это да! Труд – это да!

Встанет заря, дождь освежит твои косы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.